

А. А. ХАЧАТРЯН. *Корпус арабских надписей Армении VIII—XVI вв.* Вып. 1. Изд-во АН АрмССР, Ереван, 1987

Арабские эпиграфические надписи на территории исторической Армении, несмотря на свою относительную немногочисленность (всего около 500 единиц¹), имеют важное культурно-историческое значение, являясь весьма интересным и специфическим источником для изучения истории средневековой Армении. Именно поэтому выход в свет работы А. Хачатряна «Корпус арабских надписей Армении VIII—XVI вв.», являющейся плодом многолетних изысканий автора в этой области, стал значительным явлением в научной жизни. Следует отметить, что арабские эпиграфические надписи имеют большое значение и с точки зрения исследования социально-политических и культурных процессов, происходивших в различных возникавших и распадавшихся на территории Армении мелких феодальных государств. Изучение этих надписей полезно и в аспекте арабистики, поскольку они в равной степени являются также фактом средневековой арабо-мусульманской культуры. Монография А. Хачатряна, таким образом, является хорошим подспорьем и для востоковедов, поскольку скрупулезное исследование преподнесенного в ней материала значительно расширит границы знаний об арабской эпиграфике.

«Корпус...» состоит из введения, основной части (тексты надписей, переводы, сведения о надписях и примечания к ним), комментариев, списка литературы и источников, четырех указателей, резюме на английском языке и иллюстраций (фотографии и прорисовки).

Во введении автор рассматривает историю изучения лапидарных надписей, обнаруженных на территории исторической Армении; показывает, как арабские надписи дополняют сведения, содержащиеся в нар-

ративных источниках, а в некоторых случаях—восполняют пробелы в наших знаниях, являясь подчас единственными сохранившимися указаниями на то или иное событие. Иначе говоря, А. Хачатрян выявляет роль арабских надписей Армении как исторического источника. Во введении он анализирует также их язык и формуляр, рассматривает палеографические особенности.

Собственно корпус арабских надписей, помещенный в основной части монографии, состоит из 291 единицы по областям Айрарат, Сюник, Арцах, Гугарк, Высокая Армения, Васпуракан, Туруберак (Тарон), из коих около 70 вводится в научный оборот впервые. Приводится арабский текст, перевод на русский язык, примечания (характер надписи, ее местонахождение, источник, в котором надпись опубликована впервые, различные варианты прочтения надписи исследователями, если они имеют место, датировка, палеографические особенности и т. п.). Именно эта часть «Корпуса...», свидетельствующая о тщательной и внимательной работе А. Хачатряна, его бережном отношении к опубликованию надписей, без сомнения, является лучшей в монографии.

Вслед за корпусом надписей следуют обширные и очень содержательные комментарии к ним, где автор стремится осветить все спорные или неясные вопросы, связанные с каждой конкретной надписью.

Собранный автором материал позволяет ему рассмотреть в рецензируемой монографии широкий круг проблем политической истории Армении XI—XV вв., социально-экономической истории Армении XIII—XVI вв. (в частности вопросы, связанные с интерпретацией значения городских корпораций «фитван — шубхан» и «ахн»), уточняется множество вопросов, связанных с хронологией. Так, например, в работе затрагивается проблема более точной хронологизации времени правления эмиров мелких мусульманских государственных образований сельджукского и монголо-туркменского периодов. Автор предлагает также ряд уточнений титулатуры эмиров, границ их владений, родословных и пр. На основе изучения араб-

¹ Ср. с количеством армянских лапидарных надписей: только в Ани 266 надписей (см.: Գրված հայ վիճադրություն. ար. 1, Շիր քաղաք, կազմեց Հ. Օրբելին. Երևան, 1966); из трех районов АрмССР опубликовано 1547 надписей (см.: Գրված հայ վիճադրություն. ար. 4, Գեղարքունիք, Կամսիթ, Մարտունի և Վարդգեսի շրջ., կազմեց Ս. Բաբյան-Պարպիան. Երևան, 1976).

ских надписей, в частности, упомянутых в них конкретных титулов, фиксирующих отношения между представителями этих государственных образований, анализируются феодально-иерархические связи правителей, сюзеренно-вассальные отношения между ними, что имеет важное значение для выяснения внутренней структуры феодального общества Армении в XI—XVI вв. Для более полного исследования вышеназванных проблем А. Хачатрян привлекает материалы средневековых армянских, арабских и многих других нарративных источников. Практически все комментарии автора к надписям построены по этому принципу (наиболее полные примеры см. на с. 180, 181, 188, 189, 191 и мн. др.).

Наибольшее количество надписей, вошедших в «Корпус...», относится к XIII—XIV вв. Вместе с тем, надписи этого периода более разнообразны по своему характеру, чем надписи предыдущих и последующих веков. А. Хачатрян справедливо отмечает, что эти данные свидетельствуют об утверждении арабской письменной культуры в жизни мусульманского населения Армении и ее роли в фиксации различных актов и выполнении погребального обряда. Увеличение числа стронительных и надгробных надписей свидетельствует об интенсивном строительстве общественно-культурных и фортификационных сооружений. Число арабских надписей возрастает особенно в тех районах исторической Армении, где наблюдается более сильное влияние арабской письменности (Хлат, Ерзнка, Карин).

Автор критически рассматривает хронологию правления анийских Шаддадилов, карских Ахлабидов, ерзикайских и камакских Мангуджакидов XI—XII вв., анализирует предпосылки и причины борьбы армянских феодалов, в частности, Закарян. Благодаря усилиям автора восполнены некоторые пробелы в генеалогии этих княжеских домов. Такие же результаты достигнуты в отношении надписей второй группы.

Весьма актуальными для арабистики являются проблемы, связанные с эволюцией понятия «мурувва», взаимосвязанной с комплексом качеств «футувва». В доисламский и раннеисламский периоды эти понятия четко отличаются друг от друга, однако в более поздний период они воспри-

нимаются как синонимы. До сих пор нет единой точки зрения на сущность этих понятий, в научной литературе они интерпретируются по-разному. Ясно лишь, что эти понятия на протяжении многих веков трансформировались, теряя свое прежнее значение и приобретая новое, соответствующее духу времени данного периода. Материал арабских надписей Армении дает возможность рассмотреть вопрос о том, какое семантическое наполнение приобрели эти термины в исследуемый период на территории исторической Армении. Объем понятия «футувва» и его охват, как пишет А. Хачатрян в одной из своих статей, «зависел от решения главного вопроса «футуввы», который на протяжении многих веков стоял перед группами фитйан и другими корпорациями городского населения: какими должны быть комплекс чести и нормы поведения «фата»? Вдумчивый анализ эпиграфических надписей и хорошее знание социальной и культурной атмосферы эпохи позволили автору прийти к ряду интересных выводов как относительно общей характеристики городских корпораций «фитйан—шуббан» и организаций мусульманских «ахи», так и по поводу их функционирования в условиях Армении. Особенно интересны те части работы, где автор исследует термины, связанные с вышеуказанными понятиями, содержащиеся в текстах эпитафий. На основе этого анализа выявляется смешанный конфессиональный характер организаций «ахи», членами которых были «фитйан», «шуббан», «пахлаваны», «шейхи», «садры», «дервиши» и т. д. Данные надписей дают основание говорить о проникновении в состав «ахи» суфиев и дервишей, с одной стороны, и представителей высших слоев феодального общества—с другой, что, в конечном счете, и привело к разложению этих организаций. Надписи XI—XVI вв. помогают выяснить роль «фитйан—шуббан» в общественно-политической жизни, фиксируют ступени их возвышения в социальной иерархии.

Весьма интересна в этом отношении трехязычная надпись (№ 56—57) из столицы князей Орбеянов Елегиса (ныне—Атаяз Ехегнадзорского р-на АрмССР), врезанная в трех мраморных плитах, вставленных в плоский камень, находящийся в южной части армянского кладбища, возле

деркви св. Ншан. Текст надписи прочитан А. Хачатряном и публикуется впервые. Мы приводим здесь только арабскую (в переводе А. Хачатряна) и армянскую надписи, потому что именно они представляют интерес в свете рассматриваемой проблемы. Арабская надпись гласит: «Это могила юноши славного, блаженного мученика, нуждающегося в милости Аллаха всевышнего. Ахи Таваккал... да простит его грехи Аллах. В дату месяца мухаррам 752 (28. II—30. III. 1351)».

Армянская надпись в некоторых местах повреждена: «Верный слуга божий п мученичества [...] 1—2 слова] и своею кровью окрасивший и ... Во имя Христа... святильником [святого Григория] в столице Елегис. Истинною верою и откровенным сердцем, и наделенный дарованиями. Погиб и удостоился света Христова. Погиб, удостоился милости Христовой Я. Тава[ккал], врач от всех болезней. Помните в [своих] молитвах, братья наши. Святой Нерсес ... во имя Христово. Это было по армянскому летосчислению в 801 (1352) году».

Как видим, в обеих надписях есть упоминание имени Таваккал, обе начертаны почти одновременно. В арабской надписи он назван «ахи», «шабб», что позволяет прийти к выводу о том, что Таваккал был членом братства «ахи» (предположение А. Хачатряна о том, что он был главой братства, как нам кажется, не подтверждается достаточным материалом). В более пространной армянской надписи упоминаются и другие факты: Таваккал—христианин, врач, армянин, умер в столице Елегис. Можно предположить, что он погиб мученически. Вероятно, слова «братья наши» в армянской надписи также указывают на принадлежность Таваккала к корпорации «ахи». Казалось бы, все ясно. Однако в одной недавно вышедшей рецензии читаем: «Из надписи явствует, что Ахи Таваккул был азербайджанцем, и его захватывали в крупном азербайджанском населенном пункте городского типа—Алайазе»². Авторы рецензии заявляют, что в армянском тексте отсутствует имя Таваккул. Расправившись с несчастным мучеником, они стремятся также отделаться от весьма

мешающей им даты в арабской надписи и пишут, что «в последнем слове даты первый зубец выше трех последующих, что позволяет нам прочесть дату не «саба-мпа»—семьсот, а «тис-ампа»—девятьсот» (с. 107). Но как быть с тем фактом, что арабская буква «та» пишется с одним зубцом и двумя точками (в надписи сохранились практически все точки), уже не говоря о том, что буква «спи» в этом слове, к великому сожалению авторов рецензии, читается совершенно ясно? Поскольку же в отношении слов «столица Елегис» сделать ничего не возможно, то они просто... забывают о них.

Рецензия в целом представляет собой образец бездоказательности, декларативности, фальсификации и подтасовки фактов. Мы, естественно, не будем входить с ее авторами в споры по поводу таких выражений, как «территория исторической и современной Турции (Ахлат, Анн, Эрзинджан, Эрзерум и др.)»—с. 105; «территория исторического и советского Азербайджана (Зангезур, Нахичевань, Карабах, Ордубад, Гянджа)»—с. 105; «Армения—эфемерная фантастическая страна» (с. 106); «...земли и территории, которые некогда не составляли политического или экономического единства под названием Армения» (с. 111); «не существовало с IV в. до ноября 1920 г. армянской государственности, как нет на всем белом свете ни одной армянской монеты» (с. 111) и многие другие. Разве следует спорить с людьми, которые упорно и упоенно называют белое черным, отлично зная, что это белое?

Авторы рецензии не гнушаются даже мелкими подтасовками. Например, они пишут: «Надпись из Нижнего Талина (№ 1) не куфическая, а выполнена насхом. Она имеет диактрические знаки и сохранила куфический элемент лишь при начертании буквы «ра» (с. 106). А. Хачатрян: «№ 1. Нижний Талин... Строительная надпись по черком насх с элементами куф» («Корпус...», с. 46). О надписи № 91 в рецензии читаем, что автор «в датировке противоречит сам себе. На с. 81 он относит надпись к последней четверти X в., а в комментариях датируется VIII—X вв. (с. 48)»—с. 109. А. Хачатрян: «Надпись датируется последней четвертью X в.» (с. 81). И, наконец, в комментариях (но не на с. 48, а на с. 178): «Палеографически эта надпись

² Известия АН АзССР, 1988, № 3, с. 107.

даст типичный образец простой разновидности куфического почерка, характерный для VIII—X вв.». Как видим, никаких противоречий нет.

Подобных примеров можно привести довольно много. Но зачем титулованным историкам понадобилось прибегать к таким, мягко выражаясь, некорректным и антинаучным уловкам? Со вторым из приведенных нами примеров дело обстоит более или менее «ясно»: в этой надписи содержится титул багратидского царя Армении (той самой Армении, где, по их мнению, «с IV в. до ноября 1920 г. не существовало армянской государственности») Смбата II—«шаханшах»; авторы рецензии пытаются уличить А. Хачатряна в недобросовестности для того, чтобы, не приводя никаких доказательств, выразить сомнение в правильности прочтения им надписи.

«Ошибки», подобные указанной относительно надписи № 1 из Нижнего Талина, нужны им, вероятно, для того, чтобы набрав достаточное количество погрешностей, объявить «Корпус...» «еще одной супермистификацией» (с. 110).

После прочтения этой рецензии создается впечатление, что она вся направлена только против названия монографии А. Хачатряна «Корпус арабских надписей Армении VIII—XVI вв.» и даже не всего ее названия, а, в основном, одного лишь слова в нем—Армения.

Вернемся, однако, к науке. Весьма ценными являются наблюдения А. Хачатряна относительно языка арабских надписей Армении. Для рассмотрения особенностей языка и формуляра он разделил все надписи на две группы: строительные и мемориаль-

ные, оговорив некоторую условность подобного деления. В строительных надписях меньше ошибок, так как эти тексты утверждались правителем—инициатором строительства. Автор выделяет в строительных надписях те компоненты, которые составлялись из формул. Анализ этих формул и клишированных выражений имеет важное значение для выявления особенностей стиля надписей, их характерных признаков. Автор на текстах показывает, как соответственно местной традиции из района в район меняется оформление надписей. Убедителен анализ титула строителя «ал-Малики ал-Мугиси» в надписи Бабердской крепости 1213 г. Надгробные надписи отдельных районов Армении (Вороти, Кафан) выдают некоторое влияние персидского языка на терминологию и формулы текстов.

Все вышесказанное дает основание считать, что монография А. Хачатряна является еще одним звеном в цепи серьезной эпиграфической традиции, которая в последние годы представлена работами С. Бархударяна, А. Палазяна, А. Тер-Гевондяна, П. Мурадяна и др. Выход в свет новой монографии, в которой опубликована примерно половина всех существующих на территории исторической Армении арабских латинских надписей, часть из которых впервые вводится в научный оборот, является убедительным свидетельством того, что в лице А. Хачатряна это направление армянской исторической науки получило своего достойного продолжателя.

Д. А. ОГАНЕСЯН